

Наталия Антонова

Убийство в новогоднюю

НОЩЬ

РАССЛЕДОВАНИЕ
• За •
ЧАШЕЧКОЙ
~*~

Уютный детектив

Наталия Антонова

Убийство в новогоднюю ночь

«ЭКСМО»

2022

Антонова Н. Н.

Убийство в новогоднюю ночь / Н. Н. Антонова — «Эксмо»,
2022 — (Уютный детектив)

ISBN 978-5-04-176794-5

«Уютный детектив» пополнился книгой Наталии Антоновой «Убийство в новогоднюю ночь». Запутанные родственные связи кого угодно собьют с толку, но только не упрямую Андриану Карлсоновну – сыщицу, чей уважительный возраст не мешает ей вести самые запутанные дела. Бизнесмен Ефим Массальский решил, как обычно, собрать всю родню на Новый год у себя в усадьбе. Неожиданно праздник омрачается страшным событием – один из гостей найден мертвым в своей постели. К сыщице Андриане Карлсоновне обращается друг жертвы с просьбой расследовать преступление. Неунывающей даме предстоит выяснить, кто из родственников оказался ядовитой змеей, лишь прикидывающейся другом остальным, и нет ли в этом деле скрытых участников...

ISBN 978-5-04-176794-5

© Антонова Н. Н., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Наталия Николаевна Антонова

Убийство в новогоднюю ночь

Действующие лица и события романа вымышлены, и сходство их с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.

Автор

© Антонова Н.Н., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

Еще за неделю до Нового года ледяной дождь беспощадно хлестал стремительно пустеющие улицы города. После незначительного понижения температуры он перевоплотился в липкий снег, который всей своей тяжестью налипал не только на провода, ветви деревьев, но и на все предметы, оказавшиеся на открытом пространстве, в том числе на одежду и лица немногочисленных прохожих.

И вдруг совершенно неожиданно ударил мороз! По-видимому, в небесной канцелярии сочли, что лучшим предновогодним подарком для приунывших горожан будет необозримый, гладкий, как стекло, каток, в который превратились все улицы города.

Но люди не обрадовались подарку и вместо посылки благодарности начали не просто роптать, а громко выражаться, не заботясь о соблюдении цензурности речи.

И только тогда пошел снег, который спрятал под своим толстым слоем сверкающий лед. Народ успокоился и расслабился. Но потом быстро спохватился, что новогодние праздники уже не просто на носу, а буквально топчутся возле дверей! Кто-то даже от радости промчался по улицам Старого города на белоснежной тройке, запряженной в экипаж, копирующий старинную карету.

А кто-то из жителей Безымянки утер нос обитателям Старого города, проехавшись на упряжке с оленями.

В общем, Новый год приближался.

Ефим Яковлевич Масальский жил в огромном особняке элитного поселка, бесстыдно захватившего большую часть дубовой рощи, которая когда-то принадлежала всем жителям.

Но так случилось, что богатеи решили, что раз советская власть закончилась, то народ, то есть «соль земли», и без рощи обойдется. Пусть их дети гуляют среди хилых американских кленов, которые привычно высаживались возле домов уже лет тридцать.

Ефим Яковлевич Масальский нажил свое богатство, эксплуатируя самые различные ресурсы родных недр. Чем он только не занимался и чем не владел! Но это все в прошлом.

Несколько лет назад на него, как гиены из-за угла, набросились болезни. Он отчаянно боролся с ними все эти годы. И все-таки, судя по всему, они одолевали его.

Накопленные несметные богатства Масальского не радовали. Вы спросите почему? Потому что передавать их Ефиму Яковлевичу было некому.

Женился Масальский в ранней юности по любви и был счастлив со своей женой Люсьеной тем задорным безусловным счастьем, которое, наверное, бывает только в юности. Да и то далеко не у всех.

Но его счастье закончилось в разгар девяностых годов прошлого века в тот самый момент, когда Ефим Масальский был полон грандиозных планов и начал проворачивать свои первые крупные сделки.

Для Люсьены Ефим ничего не жалел. Он буквально заваливал ее нарядами и драгоценностями, хотя жена никогда ничего у него не просила, кроме внимания и нежности.

В то время у всех на устах был «белый «мерседес» и «черный «бумер». Естественно, Ефим подарил своей жене «мерседес». Вместе с личным шофером. Он и сам нередко ездил на этой машине с женой.

Ефим до конца дней своих не забудет тот час, когда узнал, что в машину, на которой ехала его Люсьена, врезался бензовоз. Был страшный взрыв. С бизнесменами такое происходило в то время сплошь и рядом.

Ефим не просто догадывался, он знал наверняка, кто был заказчиком подстроеной аварии. Сам он по чистой случайности не оказался в тот день в машине вместе с женой, его задер-

жали дела. Ефим не стал сообщать милиции о своем знании, он просто в духе все тех же девяностых посчитался со своим врагом.

Стало ли ему легче? Да, на какое-то время. Но рана от потери Люсьены не затянулась и многие годы спустя. Больше Ефим Яковлевич не женился.

Хотя женщин у него было много. Их большим количеством он, как вином, пытался залить свое горькое горе. Но зелье не шло впрок. Ни с одной из своих любовниц ему не хотелось встретить старость.

Позднее Масальский решил, что если кто-то из его пассий забеременеет, то он женится на ней. Чем старше он становился, тем чаще задумывался о наследнике. Однако никто из женщин не сообщил ему о предполагаемом отцовстве.

Одно время клинья к нему настойчиво подбивала младшая сестра Люсьены Светлана. Но, уяснив, что Ефим не женится на ней, она нашла себе вполне благополучного, хоть и не очень-то богатого мужа. Родила от него дочь Дарью, которую Ефим стал считать своей племянницей. Конечно, в Дарье не было его крови, но была кровь Люсьены, которую он продолжал помнить и по-своему любить.

Отец Ефима женился дважды. Первый раз на Клавдии Семеновне, которая, став Масальской, родила ему сына Ефима. От первого брака у Клавдии была дочь Мария, приходившаяся Ефиму теперь сводной сестрой.

Маше в жизни не слишком повезло. Она рано овдовела, потом потеряла дочь и зятя. С помощью брата вырастила внучку Ираиду.

Наследника Ефим ждал от брата Захара. С Захаром у них был общий отец Петр Яковлевич Масальский. А вот мать Захара была вторая жена отца Гелена Владимировна Масальская. Ефим запомнил ее молодой и красивой. Да вот только сбежала она от их семейки с дальнобойщиком, когда сыну и трех лет не исполнилось. Непонятно, что на нее нашло. Жили вроде бы неплохо. Не шиковали, конечно, но и не голодали. Скандалов между родителями дети не слышали.

Тетка их троюродная, Ольга Геннадьевна Мелихова, ворчала сердито о том, что любовь зла. Сестра Маша, тайно недолюбливавшая мачеху, сказала, что Гельке красивой жизни захотелось. Вот она и задрала подол на голову.

Ефим же никогда не пытался разобраться в побудительных мотивах мачехино поступка. Сбежала и сбежала, думал он тогда. И по молодости лет не замечал, что отца бегство жены надолго выбило из колеи и в дальнейшем сказалось на состоянии его здоровья и раннем уходе из жизни.

Для братьев же тогда мало что изменилось. Сестра Мария была к тому времени взрослой девушкой и взвалила на свои хрупкие плечи всю заботу об отце и братьях.

А потом с ними стала жить и троюродная тетка – тетя Оля. Ольга Геннадьевна Мелихова, не так давно выдавшая замуж свою единственную дочь, своим переездом к Масальским решала сразу два вопроса. Первый – она оставляла молодым свою квартиру. И второй – могла полностью посвятить себя заботе о племянниках, разгрузив Машу, которой и о своей жизни пора было подумать.

Собственно теткой Ольга Геннадьевна Мелихова приходилась только Марии и Ефиму, так как была троюродной сестрой их матери. Но в доме все привычно считали ее всеобщей теткой, против чего Мелихова никогда не возражала.

Главы семейства дома не бывало с утра до ночи, отец крутился как мог на двух – на трех работах, стараясь заработать для семьи лишнюю копейку. И Ефим еще подростком решил, что главное в жизни деньги. И не просто деньги, а большие деньги. Деньги не только накормят, напоят, обуят и оденут, но и предоставят на выбор все блага жизни. А благ этих, по мнению подростка, было не перечесать. И хотелось почти всего, на что падал взгляд молодых глаз или о чем слышало ухо.

Не думал Ефим тогда, что под конец жизни, будучи богачом, он поймет, что был неправ. Сама жизнь заставит его поменять свою точку зрения. Деньги оказались бессильны вернуть ему здоровье и подарить сына.

За неимением детей у самого Ефима и брата Захара недобрые языки пророчили все дядино наследство Ираиде. Как-никак она внучка родной сестры Ефима Яковлевича Марии. А роднее-то все равно никого нет.

Только сам Ефим думал иначе. Ему хотелось передать свои деньги и сохранившиеся акции в руки наследнику. Не доверял он женскому уму и женской хватке. Продолжал упрямо придерживаться патриархальной точки зрения, что дело мужчины зарабатывать, а женщины – тратить. И дай женщине большие деньги, она их по ветру пустит. Никакая эмансипация не была ему указанием. А слово «феминизм» он вообще считал ругательством. Открыто перечить Масальскому никто не решался. Он хозяин. А хозяин, как известно, барин и не только своим деньгам, но и многочисленной родне, кормящейся его милостями.

О родне своей Ефим заботился не напоказ, а искренне считая, что это его долг. По крайней мере, до той минуты, пока не закроются навеки его глаза и он не покинет эту землю.

Пока же Ефим продолжал надеяться, что брат его Захар, вняв уговорам старшего брата, все-таки обзаведется семьей и сыном. Надежда эта противоречила здравому смыслу. Брат Захар всю жизнь жил легко. Летал с одного места работы на другое, как мотылек с одного цветка на другой.

Судьба послала ему в жены хорошую добрую женщину. Но Захар не смог удержать ее. Скорее всего, и не старался, рассматривая жену как якорь, что удерживает его на одном месте. А Захару всегда летать хотелось. Жаль, что не в прямом смысле, а только в переносном. Короче, был он как перекасти-поле.

Что же поддерживало веру в него Ефима? Может быть, то, что брат никогда не бедствовал, денег у Ефима не просил и жил на те, что сам зарабатывал.

Играло свою роль и то, что других наследников мужского пола у Ефима не было.

И вот теперь вся родня Ефима Яковлевича Масальского должна была съехаться в его особняк, чтобы встретить Новый год.

Пока он жив, полноправной хозяйкой его дома была Диана Артемьевна Овчинникова, которую он считал не домработницей, а домоправительницей. Много лет женщина была его помощницей и доверенным лицом. Ефим Яковлевич доверял Диане Артемьевне, как самому себе. А в некоторых вопросах ее слово и вовсе было решающим. Такая двойственность натуры – недоверие к женщинам и их способности управлять делами и оттого желание завещать все только мальчику и при этом такое доверие к домоправительнице и помощнице в делах – уживалась в одном человеке, не замечавшем очевидное противоречие. Вместе с матерью жил в доме и сын Дианы Артемий Ефимович Овчинников.

Злые языки болтали, что Артемий его ребенок. Но это было не так. Когда Ефим встретил Диану и предложил ей работать у него, женщина уже имела грудного сына при полном отсутствии денег. Муж ее отправился на заработки и сгинул. Диана продолжала ждать его и разыскивать собственными силами. Но о судьбе его стало известно только после того, как к поискам подключился Масальский. Выяснилось, что корабль, на котором находился муж Дианы, был брошен хозяином судна на произвол судьбы в одном из африканских портов, где мужчина заболел и скончался. Из всей команды уцелело всего несколько человек. Молодая женщина сильно горевала. «Видно, большая любовь у них с мужем была», – думал Масальский, и, вспоминая свою Люсьену, искренне сочувствовал Овчинниковой. На плаву Диану удержали сын и работа, которой Масальский в то время так нагружал ее, чтобы у молодой женщины не оставалось и минуты, свободной для переживаний. Разве что только ночь оставалась в ее распоряжении, но Диана так уставала за день, что засыпала тотчас, как только голова ее касалась подушки. Для Артемия Масальский нанял сначала опытную няню, а потом и гувернантку.

Когда мальчик подрос, его отправили в элитную школу. После ее окончания Ефим Яковлевич уже выбрал для него учебное заведение за границей. Но Артемий неожиданно проявил характер и взбунтовался. Ефим Яковлевич попервоначалу даже дара речи лишился. Потом уж было собрался поставить парня на место, но вовремя опомнился. Он ему не отец. Пусть Диана сама с сыном разбирается. Но Артемий решил свою судьбу сам. Он увлекся ландшафтным дизайном, поступил в вуз на заочное отделение. А у Масальского получил должность садовника и, всем на удивление, организовал небольшой, но удивительный по красоте своей зимний сад.

Глава 2

В то утро, когда родные начали съезжаться к Масальскому, стоял сильный мороз. Диана, навестив Ефима Яковлевича в его комнате, принесла с собой мобильник и сказала: «Посмотрите, какая красота!» – и сунула сотовый в руки Масальскому. Перед его глазами и впрямь предстала удивительная, редкостная картина – солнце меж столбов. Такое чудо могли сотворить только ударившие сильные морозы.

– Ты когда это снимала? – спросил Масальский.

– Только что, – ответила женщина.

– Кто-нибудь уже приехал? – перевел Ефим Яковлевич разговор на интересующую его тему.

– Пока только Маша и Ираида с мужем. Да вы не волнуйтесь, скоро и другие подтянутся, – невесело усмехнулась Овчинникова.

– С чего это ты, Диана, взяла, что я волнуюсь? – пожал плечами Масальский.

– Это я так, к слову, – отозвалась домохозяйка. – Просто вспомнилось «Гости съехались на дачу».

Масальский понимающе кивнул.

Семья в полном составе собралась у дяди к обеду. Женщины наперебой предлагали Диане Артемьевне помощь, но она отнекивалась. Все, что нужно было сделать, было сделано заранее. В доме была хорошая кухарка и две старательные горничные. Вносила свою лепту и постоянно жившая в особняке Ольга Геннадьевна Мелихова. Несмотря на то что у Ефима Масальского не было с ней родства, он звал ее тетей и не собирался лишать крыши над головой, даже жалел старуху, ведь она так же, как ее родная племянница Мария, лишилась дочери и зятя, оставшись с внучкой на руках. Но если у Марии внучка уже не только выросла, но и замуж вышла, Ольге Геннадьевне предстояло еще растить и растить свою внучку. Дочь ее замуж вышла рано, но родила поздно. К тому же внучка Сонечка часто болела, ей требовались дорогие лекарства и хорошее питание. Все это семье, состоявшей из бабушки и внучки, предоставлял Ефим Яковлевич.

Ольга Геннадьевна в буквальном смысле слова молилась на него и за него. В храме, который она регулярно посещала, Мелихова не забывала ставить свечки за здоровье Ефима.

Да вот только молитвы ее мало помогали. Названому племяннику становилось все хуже. Маша недавно шепнула тетке, что Масальский проживет недолго.

– Что же тогда с нами со всеми будет? – не на шутку перепугалась Ольга Геннадьевна.

Маша, Мария Павловна Климова скорбно поджала губы и сказала:

– Молитесь, тетя Оля, чтобы Ефим главной наследницей сделал Ираиду.

– Лучше бы уж тебя, Машенька, – вздохнула Мелихова.

– Или меня, – не стала спорить Климова. – Мы-то уж Сонечку не оставим.

Ольга Геннадьевна согласно закивала. Она была во всем согласна с племянницей, верила каждому ее слову. Ираиду, внучатую племянницу свою, она любила, как и собственную родную внучку Сонечку. Да и как не любить, если молодая женщина была добра к ней самой и о Сонечке заботилась. Взять хотя бы прошлое лето. Ираида вместе с мужем Юрой летали отдыхать в Турцию и Сонечку брали с собой. После проведенных на солнышке дней и купания в Черном море девочке стало значительно лучше, да и повеселела она. Сколько дней потом щебетала бабушке, как они с тетей Ирой и дядей Юрой ездили на экскурсии, были на всевозможных аттракционах, а главное, научили девочку плавать и с трудом вытаскивали из воды.

Так что да, конечно, Мелихова будет от всей души молиться о том, чтобы бог вразумил Ефима и он переписал все на племянницу и ее дочь.

Родных у Ефима много, но детей-то нет. «Так кто же ему ближе Маши, – думала старая женщина, – не Захар же?!» Захара Ольга Геннадьевна недолюбливала. Может, подсознательно считала его соперником Марии. Ведь Захара и Марию кровные узы не связывали. Отцы и матери у них были разными. Если что и связывало их, то только тоненькая ниточка через брата Ефима. Мелихова считала, что Мария Ефиму роднее, так как у них общая мать. Но за то время, что прожила она в доме Масальского, она успела уяснить, что Ефиму Яковлевичу желаннее наследники мужского пола. Очень жаль, что Маша, кроме Ирочки, не родила еще и сыночка. Хорошим в сложившихся обстоятельствах было то, что у Захара вообще не было детей. «Наверное, это у них наследственное, – думала Мелихова, – раз ни один из братьев не смог обзавестись потомством».

В том, что вся родня сегодня съехалась в дом Ефима, ничего удивительного и тем более настораживающего не было, родственники на каждый праздник приезжали в этот дом. Вероятно, для того, чтобы держать руку на пульсе и не давать дяде забыть о своем существовании. «Вот и Светка Лопырева со своим приплодом регулярно приезжает. Хотя, казалось бы, чего она здесь забыла! Ефиму она никто! Подумаешь, младшая сестра жены Ефима. Так Люсьены уже почитай тридцать лет как в живых нет. Так эта хитрая лиса как терлась с самого начала возле Ефима, так и сейчас отирается!» И что больше всего возмущало Мелихову, так это то, что Светлана вела себя в доме Масальского как полноценная родственница. Надеялась, что Ефим не забудет и ее упомянуть в своем завещании. А с чего бы ему ее упоминать! «Вот и Анну с собой притащила!» – думала старая тетка. Нет, против Анны, Анны Даниловны Федотовой – подруги жены Ефима Люсьены, Мелихова ничего не имела. Она хорошо помнила, как та любила Люсьену и горевала о ней. При этом, утешая Ефима, а скорее горюя вместе с ним, Анна никогда не пыталась залезть к нему в постель, в отличие от младшей сестренки Люсьены Светланы. Все эти годы Ефим поддерживал с Федотовой дружеские отношения, старался помочь ей. Много денег на эту дружбу не уходило, так как Анна с самого начала отказалась принимать от мужа погибшей подруги дорогие подарки и тем более деньги.

Мелихова подозревала, что Лопырева изо всех сил пытается перетянуть Федотову на свою сторону и воспользоваться имеющимся у нее влиянием на Ефима. В то же время старая тетка видела, что Анна не поддается на ее уговоры. Она и Марию предупредила, чтобы та не пыталась отвести Анну от дома Масальского. «Анна нам не помеха», – часто говорила она племяннице, и Мария, разобравшись в отношениях Анны и Ефима, соглашалась с ней.

Дарья, дочь Светланы Лопыревой, вообще никакая не претендентка на наследство Ефима. Видно было и то, что ездит она сюда с неохотой. Мелихова давно заметила, что Лопырева таскает сюда дочь на канате. А на этот раз умудрилась и жениха дочери притащить. Видно, хочет познакомить его с Ефимом. Говорят, что парень занимает солидный пост в какой-то фирме. Вот Лопырева и надеется произвести на Ефима хорошее впечатление будущим зятем. «Ох, и лиса, – думала Мелихова. – А Ефим что, он с самого появления Дарьи на свет записал ее в свои племянницы. Хотя какая она ему племянница?» – старая тетка мысленно сплюнула от досады.

Еще одной претенденткой на наследство могла стать Диана Артемьевна Овчинникова. Ну и что, что она всего лишь помощница по хозяйству. На самом деле весь дом в ее руках. Сам Масальский зовет ее домоправительницей. Судя по всему, в руках Дианы не только дом. Не зря она присутствует на всех совещаниях Ефима с его поверенными и нотариусом.

Мелихова не раз пыталась подслушать, о чем беседует Ефим с деловыми людьми. Но услышать ей мало что удавалось, так, одни обрывки, которые она исправно пересказывала племяннице Марии. Потом они вдвоем судили, рядили, пытались составить общую картину. Обеим женщинам казалось, что Ефим Масальский уже не единожды менял свое завещание. Судя по тому, что удалось услышать Мелиховой о предпоследнем завещании, в нем все делилось между всеми условно родными Ефиму. Племянницу Машу это никак не устраивало.

Потом просочилось уточнение, что основная часть достанется Ираиде, сколько-то Диане и Артемию.

С Артемием вообще была непонятка, отчество у парня было Ефимович, хотя, исходя из известных им фактов, Артемий никак не мог быть сыном Ефима. И все-таки Ефим его любил и заботился о нем, как о родном сыне. Оставалось неизвестным, сколько именно отпишет Диане и Артемию Масальский. Всем остальным полагались крохи. В том числе и Мелиховой.

Ольге Геннадьевне было обидно не за себя, а за Сонечку. Она жаловалась племяннице и плакала: «Маша, ты ведь знаешь, сколько лет я при вашей семье. Не всегда Ефим как сыр в масле катался. Помню я, как Яша, отец его покойный, надрывался, чтобы семью прокормить. А хозяйство было на нас с тобой».

– Не плачь, тетя Оля, – говорила племянница, – разве теперь кто помнит добро.

– Как же Сонечка? – спрашивала тетка.

– Сонечку мы не бросим, – уверяла ее племянница.

А в последние полгода к Ефиму зачастил какой-то мужик. Кто он, узнать Ольге Геннадьевне никак не удавалось. Диана молчала как партизан, хоть Мелихова подкатывалась к ней с разных сторон, и ластилась, и обиду выказывала, мол, она не чужой человек, а от нее в доме секреты держат.

– Секреты это сугубо деловые, – сухо отвечала домоправительница, – и вас они, Ольга Геннадьевна, никаким боком не касаются.

– Да как же такое может быть? – всплескивала руками старая тетка. Но Овчинникова отмалчивалась, давая понять, что она уже все сказала.

– Вот и думай что хочешь, – ворчала себе под нос Мелихова. Однажды она даже решилась на отчаянный поступок, подкараулила мужика этого, когда он вышел из кабинета Ефима, и предложила ему попить чаю. Дианы в это время поблизости не было.

Мужик как-то странно посмотрел на Ольгу и, не проронив ни слова, вышел из дома, сел в свою машину и уехал.

– Даже спасибо не сказал, – жаловалась она потом на невоспитанность незнакомца племяннице.

– А ты сама, тетя Оля, что о нем думаешь? Кем он может быть?

– Понятия не имею, – пожимала плечами Мелихова, – так-то он вроде на полицейского похож.

– Господь с тобой, тетя Оля, – испуганно вскрикивала Мария Климова, – какие у Ефима могут быть дела с полицией?

– Никаких, – соглашалась тетка.

Несмотря на то что до встречи Нового года оставалось еще много времени, часы не так давно пробили полдень, вся разношерстная семья собралась в большой гостиной, где стояла наряженная елка, упираясь пикой в потолок. Большой стол еще не только не был накрыт скатертью, но даже и не разложен. Это никого на данный момент не волновало, так как обедать гостям было предложено в столовой. Но час обеда пока не наступил.

Собравшиеся люди держались не все вместе, а кучками, как сейчас говорят, по интересам. Только Захар Яковлевич Масальский, брат хозяина, сидел в полном одиночестве на плюшевом диване темно-зеленого цвета и делал вид, что поглощен чтением газеты.

На самом деле никакая газета его не интересовала и глаза его, не двигаясь, смотрели между строк. Захар чувствовал себя на этом сборище, как он называл про себя собрание родственников, неуютно. Ему с самого начала не хотелось сюда ехать. Когда ему позвонила Диана Овчинникова, он сказал ей, что плохо себя чувствует и не приедет на этот раз на семейный новогодний ужин. Но потом позвонил сам брат Ефим и голосом тяжелобольного человека

попросил Захара приехать, намекнув на то, что, возможно, это будет их последняя встреча. Отказать брату Захар не смог. Он взял займы у друга приличный костюм и приехал.

И вот теперь ему казалось, что костюм мал ему в плечах, да и рукава коротки, не говоря уже о брюках. Захар поджимал ноги, словно хотел их спрятать под диван.

У него крутилась в мозгу мысль о том, чтобы сейчас подняться к брату, поговорить с ним, а потом уехать отсюда к чертовой бабушке, пока светло и до автобусной остановки пройти каких-нибудь двадцать минут.

Он ловил на себе осуждающие взгляды старшей сестры Марии. Хотя какая она ему сестра! И тетка Ольга Геннадьевна не была родной ни ему, ни Ефиму.

И вообще все в доме брата казалось Захару ненастоящим и претенциозным. Взять хотя бы эту роскошную елку. Зачем, спрашивается, сгубили такую красавицу ради минутной прихоти много чего возомнивших о себе полуродственников хозяина. Захар считал, что елку нужно ставить для детей. А в этом доме из детей только Сонечка, внучка Мелиховой. Да и та к елке не подходит. Мыслимо ли ребенку задирать голову на три метра. «Полуметровой, скромно украшенной игрушками из их детства ребенку хватило бы за глаза», – думал Захар.

Наконец ему надоело, что на него стали пялиться и другие гости. Он поднялся с дивана, швырнул так и не прочитанную газету на мягкое сиденье и отправился искать Овчинникову.

Нашел он ее в прихожей. Диана зачем-то выходила на улицу и теперь стряхивала со своей песцовой куртки налипший снег. Так как и куртка и снег были белыми, Захару на миг показалось, что осыпается не снег, а вылезшие пучки шерсти. Он помотал головой, как уснувшая на ходу лошадь.

– Ты чего? – спросила его домохозяйка, снявшая и куртку и полусапожки.

– Я хочу поговорить с братом, – сказал Захар.

– Поговоришь, – спокойно ответила Овчинникова.

– Сейчас! – с нажимом в голосе потребовал Захар.

– Сейчас не получится, – пожала плечами Овчинникова.

– Почему?

– Потому что в это время Ефим Яковлевич отдыхает после принятия процедур.

– Он может продолжать отдыхать и разговаривая со мной, – продолжал настаивать младший брат хозяина.

– Не может.

– Почему?

– Потому что он спит и будить его я не намерена.

– Но Ефим раньше никогда не спал днем.

– Не спал, – согласилась Диана, – но за последнее время Ефим Яковлевич так ослабел, что врач прописал ему дневной лечебный сон.

– Понятно, – пробормотал Захар.

– Ты пока пообщайся с остальными гостями...

– Глаза бы мои их не видели! – не слишком вежливо перебил женщину Масальский.

– Понимаю, – кивнула она, – тогда поднимись в свою комнату, отдохни, а когда Ефим Яковлевич проснется, я дам знать.

– Пожалуй, ты права. Я так и сделаю, – сказал Захар и, поднявшись по лестнице на второй этаж, открыл дверь в комнату, в которой всегда останавливался, приезжая к брату.

В ней было уютно, портьеры были опущены, ровным светом светился электрический камин. Захару показалось, что в комнате достаточно тепло. Он не любил духоты. Поэтому выключил камин. Раздеваться не стал, только пиджак снял и ботинки. Лег прямо на покрывало и сразу же уснул.

Отсутствие младшего брата хозяина дома заметила только Мария Павловна Климова.

– Тетя, ты не знаешь, куда делся Захар? – спросила она Мелихову, вернувшуюся в гостиную после хлопот по хозяйству.

– Я видела, как он с Дианой разговаривал, – поджав губы, ответила Мелихова.

– И чего хотел? – насторожилась Мария Павловна.

– С Ефимом поговорить.

– Поговорил?

– Нет, – покачала головой тетя, – у Ефима в это время лечебный сон и Дианка, конечно же, не стала будить его ради прихоти брата.

– Куда же он делся? Сюда, как ты видишь, он не вернулся.

– Краем уха я слышала, что Овчинникова посоветовала ему подняться в свою комнату.

– И он прислушался к ее совету?

– Да, я видела, как он пошел к лестнице. Наверное, завалился спать.

– Скоро обед.

– И что? Лично я будить его не собираюсь.

– Надеюсь, что Овчинниковой это тоже не придет в голову, – довольно хмыкнула Климова и с нежностью посмотрела на свою внучку, прохаживающуюся вместе со своим мужем вокруг елки.

– Юра, правда, красиво? – спросила тем временем Ираида своего мужа Юрия Маратовича Кротова, касаясь рукой то одной, то другой игрушки, висящей на елке.

– Ёлка могла бы быть пониже, – хмыкнул в ответ Юрий, – все-таки не на площади стоит, а в доме, да и игрушек было бы лучше повесить на нее поменьше.

– Ничего-то ты не понимаешь! – обиженно фыркнула в ответ Ираида. – Дядя хотел как лучше.

– Вообще-то, если быть точным, то он тебе не дядя, а дед.

– Какая разница, дядя, дед, важно то, что я его наследница!

– Очень может быть, – незаметно для Ираиды усмехнулся супруг. – Но тот же Захар Яковлевич более близкий родственник Ефиму Яковлевичу.

– Ну и что, что более близкий! – рассердилась Ираида. – Надо быть идиотом, чтобы завещать деньги дяде Захару. А дядя Ефим не идиот.

– В том, что Ефим Яковлевич не идиот, я не сомневаюсь, иначе он не нажил бы таких денег. И все-таки, Ира...

– Ираида! – перебила мужа Кротова.

– Ладно, Ираида, – согласился муж, хотя ему осточертело называть жену полным именем. Ему больше нравилось уютное имя – Ира. – Я не понимаю, чего вы с бабушкой так цепляетесь за это наследство. Мы с тобой живем нормально, не бедствуем.

– Вот именно что не бедствуем! – с обидой в голосе воскликнула молодая женщина.

– Лучше бы ты ребенка родила поскорее, – не слушая ее, проговорил муж.

– Вот получу наследство от дяди и рожу.

– От деда, – машинально поправил Юрий.

– Пусть от деда! – капризно притопнула ногой Ираида.

– А если не получишь? – спросил Юрий.

– Даже думать об этом не смей! – вспылила молодая женщина.

Кротов мысленно махнул на все рукой и спросил:

– Тебе не кажется, что пора обедать?

– Вот-вот прозвучит гонг, – отозвалась жена.

– Бум ждатель, – попытался пошутить Юрий, а про себя подумал, что следующий Новый год он точно встретит не в этом доме. Надоела ему вся эта родственная паутина, тщательно сплетаемая тещей и ее верной помощницей старой тетей Олей.

Не менее недовольной своим пребыванием в особняке Ефима Яковлевича Масальского была Дарья Ульяновна Лопырева – дочь Светланы Макаровны Лопыревой, младшей сестры жены Ефима Люсьены. Дарье, которую сам Ефим считал племянницей, дом Масальского вообще казался склепом.

Сколько Дарья себя помнила, столько времени мать таскала ее в гости к дяде Ефиму по поводу и без. Сначала Дарья не понимала, зачем это надо матери. Потом, повзрослев, догадалась, что мама хочет откусить свой кусочек наследственного пирога, даже если он будет не просто маленьким, но малюсеньким. Чем взрослее становилась Дарья, тем сильнее разрастался в ее душе протест против этих поездок, которые она со временем стала считать унижительными.

После того как Даша познакомилась с Костей – Константином Петровичем Долевиным и собралась за него замуж, она заявила матери, что если та по-прежнему хочет ездить к дяде Ефиму, то пусть ездит. Но без нее. Ее, Дашиной, ноги больше в дядином доме не будет.

– Но почему? Почему? – заламывала руки мать. – Чем тебе не угодил Ефим?

– Ничем, – отвечала девушка, – он и не должен мне угождать, так же как я ему. Просто у меня своя жизнь и я не хочу, чтобы она переплеталась с жизнью Масальских. Меня от этой семейки уже давно тошнит!

– Что ты такое говоришь, – хваталась за голову мать. – Подумай, что бы сказала твоя тетя Люсьена!

– Я никогда не видела тетю Люсьену, и она скончалась, не подозревая о том, что я появлюсь на свет, так что она ничего бы не сказала.

Споры с матерью длились довольно долго, и той хитростью удалось склонить на свою сторону жениха Даши. Костя простодушно заявил, что раз дядя болен, то можно сделать ему приятное и встретить один Новый год в его доме.

В конце концов Дарья сдалась, но категорично заявила матери, что едет к Масальскому в последний раз.

– Будь по-твоему, доча, – скорбно поджав губы, согласилась Светлана Макаровна, в глубине души уверенная в том, что найдет способ позднее переубедить дочь.

И вот теперь хмурая Дарья сидела в кресле у окна и смотрела, как за стеклом крупными хлопьями, похожими на лебединые перья, падал снег. Ей даже казалось, что уходящий месяц декабрь пишет печальные любовные сонеты красавице зиме, готовящейся упасть в объятия хмельного разудалого января.

– Даша, – услышала она шепот сидящего подле нее жениха, – ты такая хмурая, словно завтра наступает не первое января, а 32 декабря.

– Так и будет, – вздохнула Даша, – пока падчерица не принесет подснежники.

– А вот и нет, – улыбнулся Константин, – идем-ка со мной, – он поднялся и подал руку невесте.

– Куда идти-то? – спросила она, не двигаясь с места.

– Куда я скажу, – загадочно улыбнулся он.

Она вздохнула, но подчинилась и последовала за ним. Дарья не заметила, что мать смотрела им в спину.

Константин уверенно шел вперед, и девушка удивлялась про себя, когда это он успел сориентироваться в доме, ведь они только сегодня утром приехали. Вскоре они оказались в зимнем саду, где их встретил улыбающийся Артемий Овчинников.

– Вот. Привел! – торжественно объявил Константин и подтолкнул Дашу вперед.

– Я уже заждался, – улыбка Артемия стала еще шире, – Даша! Это тебе, – сказал он и протянул девушке маленькую корзиночку.

Она заглянула в нее и ахнула – подснежники!

Мужчины довольно переглянулись.

– Артюша, ты просто волшебник! – воскликнула Дарья и, повиснув на шее у Овчинникова, чмокнула его в щеку.

– О, женщины! – притворно возмущенно проговорил Константин. – Не успела еще выйти замуж и уже прямо на глазах жениха виснет на шее у другого парня.

Даша звонко рассмеялась и спросила:

– Когда это вы успели познакомиться?

– Как приехали, так и познакомились, – ответил Артемий, – я как увидел тебя, так мне показалось, что тебя доставили сюда под конвоем, вот я и отловил твоего парня.

– Костя мой жених.

– Тем более, – хмыкнул Овчинников, – я его допросил, он раскололся, и мы решили сделать тебе сюрприз.

– Спасибо, мальчики, – улыбнулась Даша.

– Спасибо полагается ему, – кивнул Константин на Артемия.

– Я чего, я ничего, – ответил Артемий, – я пока не волшебник, а только учусь.

– Куда это твоя дочь ушла? – спросила Анна Даниловна Федотова Светлану Макаровну Лопыреву.

– Понятия не имею, куда ее мог увести Константин, ведь он в этом доме первый раз.

– Наверное, пошли прогуляться, – проговорила Федотова, – смотри, какой красивый на улице идет снег. Самое романтическое время для молодежных прогулок.

– Ты, наверное, права, – ответила Светлана Макаровна и вздохнула: – Хоть бы они уже скорее поженились.

– А что, день для свадьбы еще не выбрали?

– Нет пока. Дашка все думает. Хотя уже месяц прошел, как Костя ей предложение сделал.

– А ты, Свет, не гони лошадей, – сказала Анна Даниловна, – пускай молодые сами решают.

– Пускай, – вздохнула Лопырева, – я разве возражаю. Но меня иногда просто бесит Дашкина упертость.

– Да ладно тебе выдумывать, – отозвалась Федотова, – Даша чудесная девочка. Дай бог всякому такую дочку.

– Так-то оно так, – согласилась Светлана Макаровна, – да только она не хочет больше ездить к Ефиму, – пожаловалась Лопырева.

– Почему? – удивилась Анна Даниловна.

– Не хочет, и все! Говорит, что ее здешняя атмосфера угнетает.

Федотова тихо засмеялась.

– Тебе вот, Ань, смешно. А мне какво? Для меня Ефим не чужой!

– Я так думаю, что тебе Даша к нему ездить не запрещает.

– Не запрещает. Но ведь племянница-то ему она, а не я.

– Свет, я не хочу тебя обидеть, но это ты сама себе в голову вбила, что дочь твоя Ефиму племянница, а вообще-то нет.

– Как нет! – возмутилась Лопырева. – Моя сестра родная, Люсьена, жена Ефима!

– Но Люсьены нет, – грустно обронила женщина.

– И что, что нет, – не желала сдавать своих позиций Лопырева. – Если б она была жива, то никто бы не усомнился, что Дашка племянница Масальских. А если нет ее, так и от ворот поворот?

– Никто тебя никогда не гнал.

– Вот именно! Ефим сам мне сказал, что Даша ему племянница.

– Сказал и сказал. Что ты так расстраиваешься? Если Ефим сказал, то, значит, так оно и есть, – решила не спорить Данилова.

– Вот! А Дашка ездить к дяде не хочет, – на глаза Светланы Макаровны навернулись слезы.

– Светка! Да ты что?! – воскликнула Федотова. – Нельзя же из-за таких пустяков так расстраиваться.

– Никакие это не пустяки, – обиженно проговорила Лопырева.

– Извини, – Федотова тихонько постучала Светлану Макаровну по руке, – я тебя, Света, обидеть не хотела. Мне Ефима жалко до слез. Молодой еще совсем мужик и на тебе!

– И не говори! Я ему говорила, может, тебе, Ефимушка, в Израиль поехать полечиться. А он не хочет, говорит, что пустая трата денег. А чего их жалеть, деньги-то, если ему их даже оставлять некому.

– Были бы деньги, – утешила ее Федотова, – а наследники всегда найдутся.

– И не говори, – невольно согласилась с ней Лопырева, думая о своем.

В это время раздался гонг, приглашающий гостей к обеду.

Софья, внучка Мелиховой, вбежала в гостиную с криком:

– Пойдемте в столовую! Обед!

– Мы слышали гонг, Сонечка, – проговорила Мария Павловна, взяла девочку за руку и вместе с ней покинула гостиную. За ними потянулись к выходу и другие.

Первыми в столовой оказались Дарья и Константин, так как жених с невестой отправились туда сразу, не заходя больше в гостиную. Увидев дочь, Светлана Макаровна успокоилась и даже улыбнулась.

Хозяин дома на обеде не присутствовал по причине своей болезни. Будить Захара никто не стал.

Таким образом, обед прошел без обоих братьев. Диана Овчинникова тоже в столовой не показалась. Всем распорядилась Ольга Геннадьевна, помогли ей две проворные горничные.

После обеда все разошлись по своим комнатам, чтобы отдохнуть и набраться сил. Ведь впереди была бессонная новогодняя ночь. И только Дарья Лопырева и Константин Долевич отправились на прогулку в заснеженную дубовую рощу, надев короткие охотничьи лыжи, имеющиеся в хозяйстве Ефима Яковлевича в количестве нескольких пар.

– Не заблудитесь, – напутствовала молодых Светлана Макаровна.

– Не заблудимся, – со смехом пообещала дочь. Подснежники, подаренные ей Артемием Овчинниковым, разогнали тучки, скопившиеся в душе девушки. Да и жениха своего она сильно любила, поэтому одно его присутствие поддерживало ее.

Сам Костя Долевич никак не отреагировал на беспокойство, проявленное будущей тещей.

Зато Анна Федотова, стоявшая рядом с Лопыревой, сказала:

– Света, не выдумывай, чтобы заблудиться зимой в дубовой роще, прилегающей к городу, надо обладать недюжинным талантом в этой области.

– Еще скажи, что нужно быть профессором заблуждений, – фыркнула Лопырева-старшая.

– А что, – рассмеялась Федотова, – хорошая идея.

Даша и Константин тем временем уже далеко отошли от дома и не слышали пикировки двух немолодых женщин.

– Знаешь, Костя, – сказала Дарья, – я бы прямо на лыжах сейчас же дошла до автобусной остановки и уехала домой.

– Дорогая, ты забыла, что мы приехали сюда на моей машине, – улыбнулся Долевич.

– Да помню я, помню, – отмахнулась от него девушка, – просто...

– Просто, – перебил ее жених, – машину свою здесь на произвол судьбы я бросать не собираюсь. А ты потерпи, уедем завтра после обеда.

– А почему не утром?

– Потому, что я не знаю, когда мы ляжем спать и когда проснемся. Даш, я прошу тебя, выбрось из головы все свои мрачные мысли, наслаждайся! Посмотри, как здесь хорошо! А какой воздух!

– Костя! Смотри, белка!

– Где, где?

– Да вон же! И еще одна.

– А мы с тобой растяпы, ничего съестного с собой не взяли.

– У меня печенье есть в кармане!

– Доставай скорей!

Вскоре они уже кормили белок с рук разломанным на кусочки печеньем.

– Я, Даш, не знал, что ты с собой в карманах еду таскаешь, – решил подшутить над невестой Константин.

– Это не еда, а печенье! И не мне, а Эдику!

– Какому еще Эдику? – с капелькой ревности в голосе переспросил Долевич.

– Хомячку!

– Хомячку? – брови парня поползли вверх.

– Ну что ты изумляешься, – рассмеялась Даша. – Эдик – хомячок моей подруги, Майи Рожковой. Он обожает именно эти печенья! Чтобы не забыть и не прийти в гости к Эдику с пустыми руками, я всегда держу парочку этих печений в кармане.

– А что, хомячок способен съесть два печенья? – не поверил Константин.

– Эдик на многое способен. Но я ему, конечно, не отдаю сразу все. Иначе он начнет набивать им свою кладовую.

Парочка так увлеклась прогулкой, что спохватилась только тогда, когда усилился ветер.

– Побежали скорее обратно, – воскликнула Даша, – а то нас здесь снегом заметет!

– И будут два снеговика! – рассмеялся Константин.

– Если бы снеговика, а то просто две снежные кучки, – фыркнула Дарья.

– За что я люблю тебя, Дашка, так это за оптимизм!

Глава 3

За окном давно стемнело, хотя был всего лишь восьмой час вечера. В комнату к Марии Павловне Климовой заглянула ее тетка Ольга Геннадьевна и от двери поманила рукой.

– Ты чего, тетя? – спросила племянница.

– Поговорить надо, – ответила Мелихова.

– Так заходи, я одна.

Тетка торопливо юркнула в комнату и закрыла за собой дверь.

– Садись, – Мария похлопала по дивану рядом с собой.

Мелихова села.

– Так что там у тебя? – спросила племянница.

– Ефим посылал горничную за братом.

– И что? Они давно не виделись, – равнодушно обронила Мария.

– Так-то оно так, – закивала Мелихова. – Да только Захар оставался у брата целых два часа и вышел от него довольный, как кот, тайком слопавший целый горшок хозяйской сметаны.

– О чем они, интересно, говорили? – с некоторой долей озабоченности обронила Мария.

– Об чем, об чем, – проворчала тетка. – Ясно об чем, о завещании.

– Ты-то откуда знаешь? Или опять краем уха слышала? – напустилась Мария на тетку.

– Мне и слышать ничего не надо было, – обиделась Мелихова, – у Захара все на роже было написано!

– Мало ли отчего он мог сиять! Не верю я, что Ефим его главным наследником сделает.

– Верю, не верю, – ехидно проговорила тетка, – Захара Ефим к себе позвал, а тебя нет.

– И не больно надо!

– Смотри, Маша! Не выпусти удачу из рук!

– Что же я, по-твоему, должна делать? – сердито спросила племянница. – Не у дверей же его спальни дежурить.

– Могла бы и подежурить. Вон Захарка к брату рвался сразу по приезде. Дианка его не пустила, сославшись на то, что Ефим спит.

– Так он на самом деле спит после процедур! Будто ты этого сама не знаешь!

– Я знаю. А Захар не знал. Вот и добился своего. Наверное, Диана проинформировала Ефима, что брат поговорить с ним хочет.

– Так ты же сказала, что Ефим за ним горничную посылал. Почему не саму Диану, коли она рядом была?

– Диана могла сказать хозяину и по телефону.

– Могла, – согласилась Мария и задумалась.

– Я тут еще на днях слышала, как Диана с нашей кухаркой разговаривала, – вздохнула тетка.

– С кухаркой?

– Да!

– И о чем же?

– Лидия Ивановна-то старше меня по годам, вот она и боится, что Ефим умрет и она место потеряет. А новое в ее годы найти трудно.

– С ее умением готовить – пара пустяков, – не согласилась Климова.

– Это мы так с тобой думаем, а сама кухарка сомневается.

– Хорошо, а чего она от Дианы хотела?

– Уверенности и хотела!

– Диана тут не хозяйка! Меня могла бы спросить, – неожиданно рассердилась Климова.

– Не скажи, – покачала головой тетка. И вдруг сказала резко: – Погоди, Машка! Не перебивай меня! А то я сама собьюсь.

– Так говори, чего хотела.

– Дианка кухарку успокоила. Сказала ей, вам, мол, Лидия Ивановна, беспокоиться не о чем. Вы по завещанию Ефима Яковлевича будете всем обеспечены. Да и новый хозяин попросит вас остаться.

– Новый хозяин? – удивленно повторила Климова.

– Да, – кивнула Мелихова.

– Может, хозяйка?

– Я на слух не жалуясь! Отчетливо слышала, как Дианка сказала – хозяин.

– Неужели и правда Ефим надумал все переписать Захару?! – переполошилась Мария.

– Только ведь пока завещания нового нет. А по старому завещанию никто не обижен.

– Откуда ты знаешь, что нового нет?

– Нотариус не приезжал.

– Вдруг ты прошляпила его приезд?

– Не могла я прошляпить!

– У меня уверенности в этом нет. Ефим всегда был хитрым. Мог всех обвести вокруг пальца.

Мелихова пожала плечами, давая племяннице понять, что верить или не верить, решать ей.

– Что же делать? – сцепила руки в замок Климова.

– Надо старое завещание сохранить, – уверенно проговорила тетка.

– Ты что же, предлагаешь убить Ефима? – дурным голосом воскликнула Климова.

– Упаси господи! – перепугалась Мелихова.

– Что же делать тогда? – Мария вскочила на ноги и забегала по комнате.

– Думать, Маша, думать, – сказала тетка и, поджав губы, сложила руки на груди.

«Ни дать ни взять Наполеон на пенсии», – подумала, взглянув на нее, племянница.

– Если Ефим все перепишет на Захара, – подлила масла в огонь Мелихова, – то потеряешь не только ты, но и Лопыревы. Да и Федотова тоже.

– Аньке до лампочки! Она за деньгами Ефима не гонится. Живет всю жизнь с мужем, как сыр в масле катается.

– Конечно, чего ей не кататься, муж-то у нее всю жизнь шишкой был.

– Теперь он на пенсии. Но они уж точно не бедствуют.

– Они да. А я горемычная всю жизнь от чужих людей завишу.

– Тетя, не ной! Мне ты родная!

– Тебе-то да. – Ольга Геннадьевна хотела уже сказать племяннице, что та и сама сбоку припека. Но вовремя прикусила язык.

Не догадываясь о мыслях тетки, племянница сказала:

– И к тебе Ефим, как к родной, относится.

– Пока жив, – вздохнула тетка. – А как не станет его?! И Сонечка моя, сиротинушка, без всего останется.

– Что ты плачешься заранее, – нахмурилась Климова, – Соньку твою без содержания Ефим не оставит. Не зверь какой-то.

– Оно так, конечно, – пожевала губами Мелихова, – но ведь Соньку не только поить, кормить, одевать, обувать надо, еще и образование девке надо приличное дать.

– Пусть учится хорошо, – отмахнулась от нее племянница, – и на бюджетное поступит.

– Тебе легко говорить, – упрекнула Климову тетка.

– Да об этом говорить вообще еще рано! Сонька твоя даже в школу еще не пошла. Сколько еще может воды утечь! А ты сейчас уже ноешь!

- Ты, Маша, только о себе думаешь! А я ведь не вечная. Мне уже семьдесят пять скоро.
- Теть Оль, успокойся, – Мария опустилась на диван, – обо всех я думаю, обо всех.
- Дай-то бог, – смиренно проговорила тетка.

Захар тем временем пил на кухне чай с бутербродом, какой он любил с детства, – на большой кусок белого хлеба был намазан толстый слой сливочного масла. А сверху посыпан сахаром.

Конечно, у брата Ефима имелись всякие плюшки, ватрушки, пирожки, кексы, пирожные. Но Захару захотелось именно хлеба, намазанного маслом. Старая кухарка с радостью соорудила ему такой бутерброд и чаю крепкого налила, еще и приговаривала при этом:

– Кушайте, Захарушка, кушайте. Если что, я вам еще чайку подолью.

А потом сидела напротив него и с любовью смотрела, как он ест.

Захар же был доволен тем, что приехал к брату. Ефим, вопреки его опасениям, обошелся с ним ласково, ничего у него не выспрашивал, не корил за неправильный образ жизни, не пытался направить на путь истинный. Только смотрел на него как-то странно, то ли задумчиво, то ли жалеючи. А напоследок пообещал, что все у него, у Захара, будет теперь хорошо.

Младший брат не понимал намеков старшего, да и не пытался вникнуть в них, разгадать их. «Лишь бы не бранил и в душу не лез», – думал Захар. После чая он пошел прогуляться и нос к носу столкнулся с Дианой Овчинниковой. Захар уже собрался было заговорить с ней, но женщина сделала вид, что торопится, и молча проскользнула мимо Захара.

«Это она, наверное, переживает, что не сказала брату, что я приходил к нему, когда он спал». Надо было, наверное, успокоить ее, сказать, что Ефим сам присылал за ним горничную и они с братом душевно пообщались. Брат на прощанье даже обнял его, чего не случилось уже несколько последних лет. Но пока Захар думал, Овчинникова уже скрылась в доме. «Всегда-то она в заботах и делах», – пробормотал себе под нос рассеянно улыбающийся Захар.

Анна Федотова тем временем сидела в гостиной возле настоящего, не электрического камина и читала сказки Шарля Перро внучке Ольги Геннадьевны Сонечке. Девочка забралась с ногами на кресло и внимательно слушала, время от времени задавая типичные детские вопросы – зачем и почему. Анна Даниловна терпеливо объясняла. И Сонечке очень хотелось, чтобы тетя Аня как можно дольше не уезжала.

Федотова и сама бы с удовольствием погостила в доме Ефима Масальского подольше, но дома ее ждал муж. Супруг Анны с самого начала категорически отказывался сопровождать жену в поездках к мужу покойной Люсьены. Он не понимал привычки жены посещать уже давно утешившегося вдовца. Но и не отговаривал ее от нечастых, в общем-то, поездок.

Анна понимала чувства мужа, но даже себе самой не могла объяснить, зачем она ездит к Ефиму. Иногда ей казалось, что таким образом она отдает дань памяти своей подруге. А порой укоряла сама себя за то, что занимается глупостями.

Волей-неволей ей приходилось поддерживать отношения и с младшей сестрой Люсьены Светланой. Не могла она отказать Лопыревой от дома, хотя муж ее, Иван Васильевич Федотов, Светлану на дух не переносил. Анна и сама не одобряла ее поведения. Но терпела. То ли по привычке, то ли все по той же памяти о Люсьене.

Симпатию Анна Даниловна испытывала к Дарье Лопыревой, дочери Светланы, которая с самого начала росла светлым человечком, искренним и не приемлющим лжи. Мать пыталась переломить дочь, но, к счастью, ей это не удавалось.

И еще Анне нравилась Сонечка. Будь ее воля, она бы увезла ребенка с собой. У них с Иваном детей не было и внуков соответственно тоже.

Но у Сонечки была родная бабушка, которая, хоть и была не первой молодости, заботилась о ней с помощью Ефима, который не жалел денег на лечение девочки, родившейся и

росшей слабенькой. Теперь Сонечка окрепла, но тем не менее ей по-прежнему нужна забота близкого человека и хороший уход.

Анна тихо вздохнула.

– Тетя Аня, ты чего? – встревожилась девочка. – Устала читать? Так ты отдохни. Давай вот на огонечек посмотрим, – проговорила девочка и устремила взгляд на пламя камина, которое стало гореть ровнее и тише.

– Давай, – согласилась Анна и спросила: – А почему ты возле елки не играешь?

– Большая она очень, – горестно, как маленькая старушка, вздохнула Сонечка, – я как задеру на нее голову, так она у меня чуть не отваливается.

Анна тихо засмеялась. Сонечка слезла со своего кресла, подошла к Анне и забралась к ней на колени, обвила руками ее шею и тихо спросила:

– Можно я у тебя посижу?

– Можно, – тихо ответила женщина, наклонилась и вдохнула аромат Сонечкиных волос, пахнувших почему-то медом и молоком.

– Ты хорошая, – сказала девочка и положила голову ей на грудь.

Женщина прикрыла глаза и задумалась.

Время пробежало незаметно. Пришли Диана Овчинникова и Ольга Геннадьевна. Одна из них сказала, что пора раскладывать стол, застилать скатертью и начинать расставлять посуду, фрукты, еловые ветви.

– Мы поможем, – сказала Анна и обратилась к девочке: – Да, Сонечка?

– Да! – обрадовалась та.

– Нам помощницы не требуются, – ответила Диана с вежливой, но холодноватой улыбкой, которая кольнула Федотову в самое сердце, точно кусочек льда.

– А Сонечке спать пора, – поджала губы Ольга Геннадьевна.

– Но, бабушка, – проговорила жалобно внучка.

– Никаких но, – ответила Мелихова.

Анна с удовольствием разрешила бы ребенку побыть в гостиной хотя бы до двенадцати часов. Но кто она Сонечке? Правильно, никто. Поэтому женщине пришлось промолчать. И только когда бабушка уже уводила внучку из гостиной, Анна успела шепнуть девочке:

– Завтра мы с тобой погуляем и еще читаем сказки.

– Ты не уедешь до завтра? – с надеждой вскинула та на нее свои доверчивые глаза.

– Не уеду, – пообещала Анна, и Сонечка нашла в себе силы улыбнуться.

Для празднования Нового года гости стали собираться в большой гостиной к одиннадцати вечера. Стол к этому времени уже был почти полностью накрыт. Для проводов старого года были расставлены закуски, салаты и прочее. В половине двенадцатого сели за стол. И горничные принесли холодец и пирожки.

Часы пробили двенадцать. У всех были делано-веселые лица. Во главе стола сидела старшая сестра Ефима Яковлевича – Мария Павловна Климова. Но так как самого хозяина дома за столом не было, чувствовалась некая скованность и напряженность. Атмосферу пытались разрядить несколькими бокалами шампанского. Захар Яковлевич от шампанского отказался и налегал на водку, настоящую на корочках апельсина. Стол праздничный он покинул первым, поднялся из-за него в час ночи, сказал: «Я спать», – и ушел, ничего больше не добавив.

Остальные продержались до полтретьего, после чего разошлись по своим комнатам. Только Мелихова осталась, чтобы помочь Овчинниковой и горничным прибраться в гостиной. Домоправительницы и ее сына на семейном празднике не было, что и неудивительно. Диана Артемьевна явилась, когда гости освободили гостиную.

– Диана, как ты думаешь, вроде все ничего прошло? – спросила Ольга Геннадьевна домоправительницу.

– Нормально, – кивнула та, хотя понятия не имела о царившей в гостиной атмосфере. Могла просто догадываться.

– Жалко, что Ефима с нами не было. Измучился он, бедняжка.

– Тут уж ничего не поделаешь, – грустно ответила Овчинникова и проговорила мягко: – Идите, Ольга Геннадьевна, отдыхать, я сама тут все доделаю.

– Надо еще о завтраке подумать.

– Чего о нем думать, – небрежно отозвалась Диана Артемьевна, – холодильники забиты едой. Так что прежде чем что-то готовить новое, это доесть надо.

Мелихова не стала спорить и ушла к себе, предварительно заглянув в комнату внучки. Сонечка крепко спала. Прислушавшись к ровному сопению девочки, Ольга Геннадьевна тихонечко вздохнула, перекрестила внучку и чуть ли не на цыпочках покинула комнату.

Глава 4

Утром дом долго не просыпался. Рано встала только Диана Артемьевна Овчинникова, которая привыкла утром навещать хозяина. Так как Ефим Яковлевич категорически отказывался приглашать для ухода за ним профессиональную медсестру или хотя бы сиделку, ей пришлось научиться делать ему уколы и давать вовремя лекарства. Хорошо еще, что для проведения остальных процедур, предписанных Масальскому врачом, приезжал специалист. Влетало это, конечно, в копеечку. Но Ефим Яковлевич не привык мелочиться. А Диане что – хозяин трагил не ее деньги.

Когда Овчинникова вошла в комнату Ефима Яковлевича, он уже не спал:

- Доброе утро, Диана.
- Доброе утро, Ефим Яковлевич.
- Подними портьеры.

Она молча выполнила его пожелание.

- Гости спят? – спросил Масальский.

– Да, пока еще никто не просыпался. Кухарка и горничные тоже не вставали. Пусть поспят, они вчера столько времени провели на ногах. – И добавила: – Кому праздник, а кому одна сплошная маета.

- Не ворчи, Диана, – улыбнулся хозяин, – все-таки они мои гости.
- Вам отдыхать надо, а не приемы устраивать, – отрезала она.
- Не скажи, – улыбнулся Масальский, – я с удовольствием со всеми ними пообщался.
- Да уж, зачастили они вчера к вам.

Пропустив мимо ушей ее недовольное замечание, Ефим Яковлевич проговорил с улыбкой:

- А ты знаешь, что Даша замуж собралась?
- Слышала.
- Хороший парень ее жених Константин. Мне понравился.
- Я слышала, что он не только хорош, но и обеспечен.
- Представь себе! – улыбка Масальского стала шире.
- Надеюсь, теперь Светлана Лопырева перестанет домогаться ваших денег.
- Да ладно тебе, – хмыкнул он, – с чего ты взяла, что она их домогается?
- Это ни для кого не секрет, – холодно ответила Диана Артемьевна, – только вы не желаете видеть алчности Лопыревой.
- Диана! Сегодня первое января! Ты не забыла?
- Нет.

– Так и не порть мне праздничный день. Смотри, какой свет льется в комнату! Как бы я хотел поправиться, одеться потеплее, да и отправиться в нашу дубовую рощу.

– Еще поправитесь, – ответила Овчинникова, но голос ее прозвучал не так уверенно, как ей хотелось бы.

- Конечно, – с легкой грустью согласился Масальский.

Было около двенадцати часов дня, когда все собрались вместе на этот раз в столовой, где стол был накрыт для завтрака.

Диана Артемьевна, несмотря на возражения Ольги Геннадьевны, запретила кухарке готовить что-то новое.

- Пусть сначала это съедят, – сказала она, – нечего добру пропадать.

Мелихова поджала губы, но спорить с домоправительницей не стала. Женщина знала, что в глазах Масальского Диана имела не то что большой – огромный вес. Не то что она, жалкая

приживалка. Но, все-таки не утерпев, Ольга Геннадьевна пожаловалась на домоправительницу племяннице Маше:

– Забрала всю власть в свои руки, слова ей не скажи.

– Ты, тетя, о ком это? – переспросила Мария Павловна.

– О Дианке Овчинниковой.

– Потерпи еще немного, – уверенно ответила Климова, – недолго ей тут царствовать осталось.

– Пока жив Ефим, – начала было тетка.

– Вот именно, пока жив, – перебила ее племянница, – ты вон лучше ешь молча, сопи в обе дырочки, – Мария улыбнулась.

«И чего это сегодня Машка с самого утра светится, – подумала Ольга Геннадьевна, – может, наливочки сливовой успела уже с утра пораньше хлебнуть?» Мелихова стала замечать за племянницей, что та время от времени начала с удовольствием прикладываться к рюмочке. Ольга Геннадьевна неодобрительно покачала седой головой в мелких кудряшках.

– Что-то дяди Захара не видно, – обронил тихо девичий голос.

– Дрыхнет, небось, без задних ног, – сердито ответила дочери Светлана Лопырева.

Дарья, а это именно она обеспокоилась отсутствием Захара Масальского, опустила глаза на свою тарелку.

– Не бери в голову, – шепнул невесте Константин Долевич и ободряюще сжал ее локоть.

Девушка благодарно кивнула ему, надеясь, что ее кивок останется не замеченным другими.

– А ведь и правда, – проговорила тем временем Анна Даниловна Федотова, – Захару давно было пора проснуться. И не дело это, что он пропустит завтрак. Надо бы его разбудить.

– Тебе надо, ты и буди, – презрительно хмыкнула Ираида Кротова. Она, как и ее бабушка, недолюбливала Федотову.

Мария Павловна бросила на внучку предостерегающий взгляд. Скандал за столом никому не был нужен, и внучке, как считала Климова, стоит попридержать язык. Такого же мнения был и ее зять Юрий Кротов, который не так уж часто соглашался с бабушкой жены.

– Ладно, ваша взяла, – сказала Федотова, встала из-за стола, положила на скатерть салфетку, – пойду, разбужу Захара. – Она направилась к двери.

– Тетя Аня! Я с тобой! – вскочила на ноги и бросилась следом за Федотовой Дарья Лопырева так быстро, что Долевич не успел удержать невесту.

«Ну и ладно, – мысленно махнул он рукой, – хочет идти, пусть идет. Тоже мне, криминал нашли, – Константин покосился на будущую тещу и невольно улыбнулся. Женщина напомнила кипящий от ярости котел, с которого вот-вот сорвет крышку. – Да, теща у меня будет тот еще подарочек, – подумал он, – но ничего, как-нибудь управлюсь. Дашкой я ей командовать не позволю», – решил он.

Прошло всего ничего, как раздались крики и топот бегущих ног. На обеих женщинах, вернувшихся в гостиную, лица не было.

На них устремились удивленные глаза всех присутствующих.

– Дядю Захара зарезали! – выкрикнула Дарья и сползла по стене, к которой прислонилась, на пол.

– Как зарезали? – прозвучал громкий вскрик Ольги Геннадьевны.

– Обыкновенно, ножом его пырнули. Кажется, два раза, – хрипло ответила Федотова.

– Что же теперь будет-то? – взвыла Мелихова.

– Ничего не будет, я имею в виду, страшного, – проговорила Мария Климова.

– Тетя Маша! – закричала Даша. – Что вы такое говорите?! Дядю Захара убили! А вы говорите, что ничего страшного.

– Ладно, успокойтесь все! – велел Юрий Маратович Кротов. – Полицию надо вызывать и скорую.

– Скорая ему уже не поможет, – вырвалось у Анны Даниловны.

– Все равно надо. Так положено, – поддержал Кротова Долевич.

– Надо Диану позвать! – вскрикнула Мелихова.

– Не надо, без нее обойдемся! – запротестовала Мария Климова.

Но она опоздала. Диана Артемьевна Овчинникова, услышав шум, доносящийся из столовой, уже входила в помещение.

– Что за гвалт вы тут устроили? – спросила она.

– Захара убили, – ответила Федотова.

– Что значит убили? – брови Дианы Артемьевны взлетели вверх.

– То и значит, что он мертв.

– Где он сейчас?

– В своей комнате.

– Оставайтесь все здесь! – распорядилась домоправительница. – А я пойду посмотрю.

– Скорую и полицию надо вызывать, – снова заговорил Кротов.

– Надо, вызову. А пока никуда не выходите! – она обвела всех присутствующих властным взглядом. – А то затопчете все следы, и полиции это не понравится.

– Я думаю, что их и так уже затоптали, – внес свою лепту в спор Долевич.

Но после взгляда, брошенного на него Дианой, умолк, махнув рукой, мол, делайте что хотите. Я чужой на этом празднике жизни. Константин корил себя за то, что вчера не прислушался к пожеланию невесты уехать из этого дома. Надо было хватать Дашку в охапку и мчаться отсюда на всех парах. «Черт меня дернул пойти на поводу у Светланы Макаровны и согласиться приехать сюда».

Он обвел взглядом напряженно замершие лица других гостей. И тут пришедшая ему в голову мысль ударила его как молния: «А ведь Захара убил кто-то из присутствующих здесь!»

– Твой дядя богат? – шепотом спросил он у невесты.

– Который? – так же шепотом растерянно переспросила она.

– Тот, которого убили!

– Ну что ты! Мама говорила, что Захар беден как церковная мышь.

– Тогда почему его убили?

– Откуда же мне знать!

– Братьев могли перепутать?

– Нет! Не думаю. Ты же сам видел, что их комнаты находились в разных концах.

– Ну да, – вынужден был согласиться Константин. Вчера его водили знакомить с Ефимом Яковлевичем. И Долевич подумал о том, что покои хозяина дома находились на одной половине, а комнаты, отведенные гостям, на другой. Так что перепутать действительно не могли. Но в таком случае зачем же вообще убили Захара? Какой смысл в его смерти? На первый взгляд никакого...

– Костя, ты чего молчишь? – испуганно проговорила Дарья.

– Я не молчу, я думаю.

– Мне страшно.

– Чего ты боишься?

– Вдруг среди нас затесался маньяк?

– Глупости!

– Я книжку читала...

– Какую еще книжку?

– Там тоже так же, как мы, родственники собрались все вместе, чтобы отметить Новый год, а потом их всех по одному поубивали.

– Даша, успокойся, – Константин приобнял невесту, – то книжка. А в жизни так не бывает. Для убийства нужна веская причина. И убийце незачем убивать всех остальных.

– А вдруг ты ошибаешься? – недоверчиво спросила она.

– Нет, – Константин постарался, чтобы его голос прозвучал как можно увереннее. Хотя подспудные сомнения подтачивали и его душу. Но Дарья ничего об этом знать не должна.

Поднявшаяся тем временем в комнату Захара Яковлевича Масальского домоправительница увидела страшную картину. Окровавленное тело мужчины лежало на кровати. Широко раскрытые глаза смотрели в потолок. Диане показалось, что в этих глазах было недоумение – за что?

Овчинникова была не из пугливых, но все-таки невольно попятилась к двери. Взяв себя в руки, она позвонила в полицию и на просьбу представиться четко ответила:

– Вас беспокоит Диана Артемьевна Овчинникова, управляющая домом Ефима Яковлевича Масальского. Убит брат хозяина, Захар Яковлевич Масальский.

– Пьяная драка между братьями? – уточнил дежурный.

– Что вы! – невольно возмутилась Диана. – Ефим Яковлевич болен, он не выходит из своей комнаты. Ради бога, приезжайте скорее.

– В доме, кроме вас, еще кто-нибудь есть?

– Да, гости, родственники, прибывшие вчера на празднование Нового года.

– Закройте все двери и никого не выпускайте до приезда полиции.

– Хорошо.

– Теперь диктуйте адрес.

После вызова полиции она позвонила в скорую и описала ситуацию. Потом велела сыну закрыть все двери и лишь после этого вернулась в столовую.

– Полиция скоро приедет, – сказала она. – Просили всех оставаться на месте.

– Мы и не собирались никуда бежать, – пробурчала Ираида Кротова.

– Ты сказала Ефиму о смерти брата? – спросила Мария Климова.

– Нет, не сказала и не собираюсь.

– То есть? – вытаращилась на нее Мария Павловна.

– Это известие убьет Ефима Яковлевича. До разговора с полицией и его лечащим врачом я ни о чем сообщать ему не собираюсь. И вам всем запрещаю, – она обвела жестким взглядом присутствующих.

– А ты не больно-то командуй, – вспыхнула Климова, – ты здесь никто!

– Пока я здесь все! – холодно возразила ей Овчинникова. – Пока Ефим Яковлевич жив, в доме распоряжаюсь я. – Больше не сказав ни слова, Диана Артемьевна вышла из гостиной, плотно затворив за собой двери.

– Она права, – сказал Долевич.

– В чем же это она права? – закричала его будущая теща.

– Что раз хозяин дал ей власть над домом, она и должна присматривать за порядком.

– А мы, значит, все тут арестованные?! – завопила Климова.

– Не арестованные, а задержанные, – чуть ли не весело ответил ей ее зять, Юрий Маратович Кротов.

Теща опалила его злым взглядом, но пререкаться прекратила.

– Черт знает что! – заламывая руки, попробовала возмутиться Светлана Макаровна Лопырева.

Но ей никто не ответил. И в столовой воцарилась безысходная, ничем не нарушаемая, кроме громкого тиканья напольных часов, тишина. Все погрузились в свои думы и терзавшие их сомнения.

Дорогу, занесенную снегом, почти полностью расчистили, но Овчинникова все-таки волновалась, что полиция приедет не скоро.

Однако ее волнения на этот счет оказались напрасными. Доблестные служители закона не заставили себя ждать слишком долго. Правда, скорая все-таки опередила полицию. Диана Артемьевна сразу же провела доктора в комнату Захара Масальского. Медику хватило одного взгляда, чтобы развести руками и сказать:

– Моя помощь, к сожалению, ему не понадобится.

– Да, я понимаю, – вздохнула домоправительница. – Но вы ведь дождетесь полицию?

– Это моя обязанность, – вздохнул врач.

– Доктор, здесь еще такая ситуация, – Овчинникова закусил нижнюю губу.

– Что, еще кто-то умер? – встревожился доктор.

– Пока нет, – невольно вырвалось у женщины.

– Я что-то вас не понимаю, – доктор устремил на Диану Артемьевну удивленный взгляд.

И она, решившись, выложила ему все о болезни хозяина дома.

– Я бы посоветовал вам незамедлительно пригласить его лечащего врача.

– Да-да, – закивала женщина, – я уже позвонила ему. Я боюсь, что Ефиму Яковлевичу станет известно о смерти брата. Он может не перенести этого.

– Здесь я вам ничем помочь не могу. Попробуйте поговорить с полицией. Я надеюсь, вернее, я почти уверен, что они пойдут вам навстречу и не станут тревожить тяжелобольного человека. Вам же следует предупредить и обитателей дома о том, чтобы они помалкивали при общении с больным.

– Я позабочусь об этом, – сказала домоправительница.

И тут раздался звонок охранника:

– Диана Артемьевна, полиция приехала.

– Впускай! Я уже спускаюсь.

Глава 5

Когда Овчинникова вышла на крыльцо, навстречу ей уже поднималась приехавшая по ее вызову группа. Первым к ней подошел высокий широкоплечий мужчина, которому домоправительница дала по виду лет тридцать.

– Капитан Турусов Виталий Сергеевич. Руководитель группы, – представился он и внимательно оглядел ее своими темно-кариими глазами.

– Диана Артемьевна Овчинникова, домоправительница, – проговорила она, не отводя от него глаз.

Все вошли в дом. Пока поднимались в комнату Захара Яковлевича, Овчинникова ввела капитана в курс дела.

Он спросил:

– Все гости в гостиной?

– Сейчас да.

Капитан оглянулся и крикнул:

– Измайлов! Займи пост возле двери гостиной. Объясните, где это, – повернулся он к домоправительнице.

– Люда проводит, – ответила та, и капитан, заметив тут же подбежавшую к лестнице девушку, согласно кивнул. Потом спросил:

– Обслуживающего персонала в доме много?

– Я, мой сын, кухарка, две горничные и охранники, одного из них вы уже видели.

– А где второй?

– Приедет завтра. – И не дожидаясь от капитана уточняющего вопроса, пояснила: – Он уехал еще тридцатого декабря.

– Понятно.

Врач скорой облегченно вздохнул, увидев полицейских. Позднее он обменялся несколькими фразами с прибывшим вместе с группой судмедэкспертом и, подписав необходимые бумаги, ушел.

Эксперт сразу приступил к осмотру места преступления. Вскоре донеслось его ворчание:

– Да тут отпечатков тьма-тьмушая.

– Покойный часто принимал гостей?

– Я так не думаю, – растерянно ответила Диана Артемьевна.

– Что ж, работайте, – велел эксперту Турусов и спросил у судмедэксперта: – А ты, Зуфар Раисович, чего скажешь?

– Пока ничего определенного.

– Знаю, знаю, – отмахнулся капитан, – после вскрытия. Хотя и мне понятно, что его дважды ударили ножом. Оружия преступления рядом не видно. Значит, преступник унес его с собой.

– Ну-ну, – хмыкнул судмедэксперт и больше ничего не сказал капитану, решив ошарашить его позднее.

– Мы должны осмотреть все другие помещения, – заявил капитан.

– Осматривайте, – беспомощно пожал плечами Диана Артемьевна, прекрасно понимая, что не в ее власти, да и не в ее интересах препятствовать полиции. – Я только хочу попросить вас, – сказала она.

– О чем? – быстро спросил Турусов.

– Не говорите пока ничего Ефиму Яковлевичу.

– Ефиму Яковлевичу?

– Да, это хозяин дома, Масальский. Убит его брат, Захар Яковлевич.

– То есть вы хотите сказать, – недоуменно проговорил капитан, – что хозяин дома ничего не знает о смерти брата?

– Не знает и не должен знать, – уверенно проговорила Диана Артемьевна. – Ефим Яковлевич тяжело болен, поэтому я ему ничего не сказала.

– Он что, настолько серьезно болен? – недоверчиво спросил Турусов.

– Да. И прогнозы врачей неутешительные. Скоро подъедет его лечащий врач, и вы сможете сами обо всем его расспросить.

– Допустим, – кивнул капитан и спросил: – Но каким образом и сколько именно вы собираетесь скрывать от него смерть брата?

– Как можно дольше, – упрямо ответила домохозяйка.

– Но ведь он в любое время может попросить брата прийти к нему.

– Я скажу ему, что Захар уехал.

Турусов подумал и решил пока не препятствовать домохозяйке поступать так, как она решила. «А дальше посмотрим», – подумал он и задал вопрос:

– Как вы собираетесь заставить молчать всех остальных?

– Я попрошу их, – ответила женщина таким тоном, который предполагал – я прикажу им.

«Ну и женщина», – с долей восхищения подумал капитан и попросил Овчинникову отвести его в помещение, где сейчас собралась обслуга.

– Сын мой в зимнем саду. Он еще не знает об убийстве.

– Вот как? – воскликнул капитан. – Его вы тоже бережете от шокирующей информации?

– Нет, – ответила женщина, – просто у меня не было времени для встречи с сыном, а сообщать ему по телефону я не захотела.

– Все остальные знают?

– Да. Одна из горничных слышала крики женщин и узнала об убийстве, находясь возле дверей.

– То есть подслушала? – с невольной улыбкой уточнил капитан.

– Тут и подслушивать не надо было. Все говорили на повышенных тонах.

– Потом она оповестила остальных?

– Да, думаю, что сразу же побежала на кухню.

– Это та, что была у лестницы?

– Нет, у лестницы была Люда. А первой все узнала младшая горничная Лиза. Люду же, как я думаю, послала кухарка, решив, что мне понадобится помощь.

– Хорошо, – проговорил капитан, изменив свое первоначальное решение, – с прислугой и вашим сыном я поговорю позднее. Вы пока не информируйте его.

Овчинникова согласно кивнула.

– Где я могу опросить родственников?

– Они сейчас в столовой. Гостиная свободна. Вы хотите поговорить с каждым наедине?

– Совершенно верно.

– Пойдемте со мной, – домохозяйка привела капитана в большую гостиную. Увидев ее, он невольно присвистнул, подумав про себя: «Вот это масштабы у наших богачей. Одна елочка чего стоит».

– Этот стол можно как-то сложить? – спросил он.

– Легко, – ответила женщина и, подойдя к столу, одним движением превратила массивное раскладное сооружение в небольшой квадрат.

– Уже лучше, – облегченно вырвалось у капитана.

– Кого первым пригласить к вам?

– А кто там у них старший?

– По возрасту Ольга Геннадьевна Мелихова. А по родству Мария Павловна Климова.

– Поясните, – попросил капитан.

Овчинникова пожала плечами и сказала:

– Ольга Геннадьевна Мелихова – троюродная тетка старшей сестры хозяина дома Марии Климовой. Она единственная из родственников постоянно проживает здесь.

– Тогда она и его тетка, – вырвалось у капитана.

– А вот и нет, – покачала головой домоправительница. – Мелихова – троюродная сестра отца Марии. Отцы же у Марии Павловны и Ефима Яковлевича разные.

– Они брат и сестра по матери.

– Да, – кивнула Диана Артемьевна.

– Почему же Мелихова живет в этом доме?

– Так случилось. Сначала скончалась первая жена отца Ефима, он женился на второй, родился Захар, а жена сбежала. Мужчина остался с тремя детьми на руках и еще вынужден был много работать, чтобы всех прокормить. Вот Ольга Геннадьевна и переехала к Масальским, чтобы помочь вести дом и присматривать за детьми.

– У нее не было своей семьи?

– На тот момент была дочь, которую она только что выдала замуж и была рада оставить молодым свою квартиру.

– Понятно. Но почему позднее она не вернулась к дочери?

– Не к кому стало возвращаться. Дочь и зять погибли. Зато осталась маленькая внучка Сонечка, которой требовалось лечение и хорошее питание. Ефим Яковлевич, к этому времени уже разбогатевший, оставил обеих у себя. Ольга Геннадьевна не сидит без дела, помогает мне по хозяйству.

– Хоть вы в ее помощи не нуждаетесь? – проявил догадливость капитан.

Овчинникова снова пожала плечами.

– И сколько лет старушке?

– Семьдесят два. Но не такая уж она старушка.

– Хорошо, с теткой разобрались, перейдем к племяннице. Мария Павловна Климова – старшая сводная сестра Масальских. Дочь от первого брака матери хозяина дома. Я все правильно понял?

– Пока все.

– Она здесь не живет?

– Нет.

– У нее есть семья?

– Внучка Ираида Юрьевна Кротова и муж внучки Юрий Маратович Кротов.

– А где ее дети?

– У неё была только дочь. Она погибла. Зять бросил свою маленькую дочку тёще и, выехав за границу, женился там во второй раз на иностранке. Насколько мне известно, ни Мария Павловна, ни Ираида контактов с ним не поддерживают.

– Очень интересная история, – пробормотал капитан и спросил: – В каких отношениях были обе женщины с Захаром Яковлевичем?

– Можно сказать ни в каких, – нахмурилась домоправительница.

– То есть? – вскинул брови Турусов.

– Захар редко приезжал в гости к брату. А за пределами этого дома, насколько мне известно, женщины с ним не общались.

– Почему?

– Спросите у них сами.

– Придет время, спрошу, – строго ответил капитан и проговорил: – Мария ведь и ему была сестрой.

– Какая же она ему сестра? – возразила домоправительница. – У них разные отцы и разные матери.

- Брат общий.
- Это ничего не значит.
- Хорошо, тем не менее Ефим и Захар братья?
- По отцу.
- Почему же Захар редко приезжал к брату?
- Честно? – спросила Диана Артемьевна.
- Естественно!
- Мне всегда казалось, что Захар тяготился богатством и положением брата.
- Это еще почему?
- Потому, что Захар предпочитал вести жизнь простого человека. В смысле обычного.

Понимаете?

– Понимаю, – кивнул капитан. – А сестра Мария деньгами и положением брата Ефима не тяготилась?

- Ну что вы, – улыбнулась Овчинникова, – она ими наслаждалась!
- Ефим Масальский помогал сестре деньгами?
- Не без этого. Да и Ираиду без его постоянной помощи она бы не вырастила такой холеной.

- В смысле холеной? – не понял капитан.
- Поймете, когда увидите.

Капитан решил пока удовольствоваться этим ответом. И поинтересовался:

- Захар приехал на этот раз по приглашению брата?
- Конечно. Притом по настойчивому приглашению.
- Он знал, что брат болен?
- Об этом знают все.
- Надеялся ли он на то, что брат оставит завещание в его пользу?
- Мне кажется, что Захар даже не думал об этом.
- А Ефим Яковлевич думал?
- Думал, – не слишком уверенно ответила домохозяйка.
- Кто, кроме Захара, мог претендовать на наследство Ефима Яковлевича? – спросил

Турусов прямо.

– По закону только Захар. Но Ефим Яковлевич несколько раз составлял и менял завещания.

- Не знаете ли вы, кто мог быть в них упомянут?
- Например, я, – ответила Диана Артемьевна спокойно.
- Вы имеете какую-то родственную связь с хозяином дома?
- Ни малейшей, – ответила женщина.
- Кого еще Масальский мог внести в число наследников?
- Брата, сестру, Сонечку.
- Сонечку?
- Да, я говорила вам, это внучка Мелиховой.
- Понятно. А еще?
- Светлану Макаровну Лопыреву и дочь ее Дарью Ульяновну.
- Они родственники Масальского?
- Нет. Хотя Светлана считает себя родственницей.
- Как так?

– А так! Она родная сестра погибшей жены Ефима Яковлевича Люсьены Макаровны. Дашка вообще родилась уже после смерти тетки. Но Светлана уверена в родстве с Ефимом Яковлевичем.

- А Дарья?

– Дарье раньше материнские притязания были по барабану. А последнее время, как мне кажется, они стали раздражать ее.

– Присутствуют ли в доме еще какие-нибудь условные родственники или вообще неродственники?

– Присутствуют. Подруга Люсьены Анна Даниловна Федотова.

– Она тоже надеется на наследство?

– Ну что вы, – тихо рассмеялась Овчинникова, – у Анны и без денег Ефима Яковлевича все есть.

– Хорошо, что хоть один человек не родственник и не претендент.

– Еще есть жених Дарьи Константин Петрович Долевич. Насколько я разбираюсь в людях, он не надеется получить от Ефима Яковлевича приданое за свою невестой.

– А вы, Диана Артемьевна, надеетесь получить наследство от Масальского?

– Наследство – громко сказано, – ответила Овчинникова, спокойно выдерживая взгляд капитана, – но от небольшого денежного вознаграждения я бы не отказалась. – И пояснила: – Если Ефим Яковлевич скончается, то любой из тех, кто получит наследство, предложит нам с сыном покинуть дом. Нам же нужно будет удержаться на плаву, пока мы не найдем новую работу.

– Вы уверены, что наследники захотят избавиться от вас?

– Абсолютно.

– Но почему?

– Потому, что я слишком долго была хозяйкой этого дома и не только помощницей, но и близким другом Ефима Яковлевича. Так что увы-увы! – Овчинникова показательно развела руками.

– А какие отношения у вас были с Захаром Яковлевичем?

– Ровные. Скажем так, он единственный из всей этой семейки, кто, став хозяином, предложил бы нам с Артемием остаться.

– Даже так? – капитан выглядел озадаченным.

– Именно так, – ответила женщина.

– Диана Артемьевна, как, по-вашему, кто мог желать смерти Захару Яковлевичу?

– Ума не приложу, – ответила женщина. – Богатства у него не было. Только скромная квартира в старом районе. Да и та никому из них по закону не достанется.

– Пока жив Ефим Яковлевич, наследовать квартиру может он.

– Не смешите мои тапочки, – отмахнулась женщина.

– Я не имел в виду ничего такого, просто брат является наследником брата.

– Допустим. Но не думаете же вы, что Ефим убил Захара?

– Нет, я так не думаю. Однако для того, чтобы убить человека, нужен мотив.

– Наверное, вы правы, – вздохнула женщина.

– Диана Артемьевна, а не могли Захара Яковлевича убить по ошибке?

– В смысле?

– Перепутали его с Ефимом Яковлевичем.

– Это невозможно!

– Почему?

– Все знали, где покои Ефима. Они вообще на другой половине.

– Вы сказали, что здесь присутствует жених Дарьи Константин Долевич. Он в этом доме в первый раз?

– В первый! Но спешу вас огорчить, – усмехнулась женщина, – будущая теща, Светлана Лопырева, вчера таскала Константина знакомить с Ефимом Яковлевичем. Так что Долевичу прекрасно известно, где покои богатого дядюшки.

– Дядюшки?

– Условного дядюшки, – нехотя поправилась Овчинникова и пояснила: – Ефим Яковлевич сам считал Дарью своей племянницей. Даша – племянница его любимой жены. И тот факт, что Люсьены нет в живых, в данном случае не играет решающей роли.

– Тогда такой вопрос, не собирался ли Ефим Яковлевич снова переписать завещание и сделать брата единственным наследником всего его движимого и недвижимого имущества?

– Не думаю, – ответила женщина и отвернулась.

Этот ее жест показался капитану подозрительным, и он спросил:

– Почему?

– Что почему?

– Почему вы не думаете, что ваш работодатель намеревался все оставить брату?

– Я знаю это. Захар не тот человек, которому можно давать в руки большие деньги.

– Вы чего-то недоговариваете? – насторожился капитан.

– Я сказала вам все, что мне известно.

– Хорошо. Пригласите сюда Ольгу Геннадьевну Мелихову. Что-то подсказывает мне, что старушка не жаловала покойного.

– Она с ним почти не общалась.

– Вот видите!

– Что я могу видеть?

– Не общалась, значит, имела на него зуб, – предположил капитан.

– Чтобы иметь на человека зуб, – не согласилась Овчинникова, – с ним нужно хотя бы ссориться. А Мелихова и Захар, по-моему, в этот раз и парой слов не перекинулись. Да и не выигрывала она ничего от его смерти. Даже если допустить, что Ефим Яковлевич все собрался отписать брату, он бы и Сонечке чего-нибудь выделил. А Захар никогда не выгнал бы из дома ни старуху, ни ребенка.

– Будем считать, что вы меня убедили. Но все-таки поговорить с Мелиховой не помешает. Так что, Диана Артемьевна, будьте любезны, пригласите сюда Ольгу Геннадьевну.

– Сейчас, – ответила женщина и вышла.

Глава 6

Капитан Турусов подумал о том, что они здесь, пожалуй, застряли надолго. Он надеялся, что его оперативники сумеют найти оружие преступления. Если никто отсюда не выходил, то нож должен быть где-то в доме, в крайнем случае, в саду.

Но следы в саду искать было бесполезно: даже если они были, то предутренный снег, сыграв на руку преступнику, замел их. И камер на особняке не было. То ли хозяин был уверен, что воры на его имущество не позарятся, то ли не желал наблюдения за личной жизнью обитателей его дома.

Охранники имелись, и камеры наружного наблюдения, обзревающие улицу, тоже. Но и те и другие смотрели на то, что происходит за пределами территории усадьбы. Сад и тем более дубовая роща были вне поля их зрения. «Что, если преступник не поленился спрятать нож в роще? – подумал Турусов и сам же себе возразил: – Нет, навряд ли кто-то, не рискуя быть замеченным, отправился ночью в рощу». Тихий шорох открывающейся двери отвлек его от мыслей.

– Можно? – спросил женский голос.

– Да, заходите. Ольга Геннадьевна? – произнес он полувопросительно, полуутвердительно.

– Да, Мелихова я, – подтвердила женщина.

– Садитесь, пожалуйста, – капитан указал ей на стул, стоящий напротив.

Женщина села и положила руки на колени. Этот произвольный жест вызвал у капитана улыбку, которую он сразу же постарался скрыть.

– Ольга Геннадьевна, вы ведь знаете, что произошло?

– Кто же этого не знает, – тихо отозвалась она.

– Для того, чтобы найти того, кто это сделал, нам придется опросить всех, кто находился ночью и утром в этом доме.

– Я понимаю, – ответила женщина.

– Скажите, пожалуйста, кем вам приходился Захар Яковлевич Масальский?

– Я даже и не знаю, как вам ответить на этот вопрос, – растерянно проговорила Мелихова.

– Так, как есть, Ольга Геннадьевна.

– С одной стороны, никем, – вздохнула она, – а с другой стороны, когда Захар был маленьким, я жила в доме его отца и помогала ухаживать за всеми детьми Якова Петровича Масальского.

– То есть, несмотря на то что вы не были родными по крови, вы считали Захара своим племянником?

Мелихова кивнула.

– Как часто вы общались с ним в последнее время?

– Редко.

– Почему?

– Захар не был любителем гостевания, к брату приезжал нечасто, да и то только после долгих уговоров Ефима. Я же почти не отлучаюсь из этого дома.

– Вы не знаете, почему Захар Яковлевич отказывался навещать брата?

– Я же вам говорю, что Захар не любил ездить по гостям.

Капитану Турусову показалось, что в голосе женщины прозвучал слабый намек на раздражение. «Интересно, – подумал он, – чем ее мог задеть мой вопрос».

– А вы лично хотели бы чаще видеться с младшим братом хозяина этого дома? – задав свой вопрос, капитан не спускал с лица Мелиховой глаз.

Но на нем ничего не отразилось. Женщина пожала плечами и ответила:

– Мне было все равно, кто приезжает к Ефиму. А от Захара я успела отвыкнуть. Мы с ним почти и не общались. Так, здравствуй, прощай да как здоровье и дела.

– Почему же так?

– Я видела, что он не заинтересован в разговоре со мной. Чем ему может быть интересна такая старуха, как я. Сама же я не хотела навязываться, чтобы не вызвать у него раздражения.

– Вы когда-нибудь ссорились с Захаром Яковлевичем?

– Ну что вы, – улыбнулась женщина.

– Вы заходили в комнату Захара Яковлевича? – спросил Турусов резко.

– А как же, – спокойно отозвалась Мелихова, – я же правая рука Дианы Артемьевны, – при этих словах на лице женщины не дрогнул ни один мускул, хотя капитан подозревал, что Мелихову могло тяготить ее положение в доме. Вполне возможно, что она предпочла бы сама управлять домом и отвела бы Овчинниковой, будь ее воля, роль своей помощницы. Но племянник, опять же условный племянник Ефим, решил иначе. И по идее, она должна быть довольна тем, что ее не гонят со двора. Но не зря говорят, что чужая душа потемки. Так что узнать, что же на самом деле творилось на душе Ольги Геннадьевны, капитану не удавалось.

– И что же вы делали в комнате Захара Яковлевича? – спросил он.

– Накануне смотрела, все ли в порядке с окнами, шторами, камином, потом поливала цветы, меняла воду в кувшине, позднее смотрела, выключен ли камин. В доме и так было жарко.

Капитан уже понял, что Мелихова шныряла в комнате жертвы преступления повсюду.

– А в комнаты других гостей вы тоже заглядывали? – спросил он.

– А как же?! – воскликнула Ольга Геннадьевна, подняв на него взгляд, полный удивления его недогадливостью.

– Хорошо, – сказал капитан. – А какие у вас отношения с Ефимом Яковлевичем?

– Какие у меня могут быть отношения с Ефимом, – проговорила женщина, – он мой благодетель. Если бы не он, мы бы с Сонечкой пропали.

– Сонечка – это?

– Моя внучка. Она еще ребенок, – пояснила Мелихова.

Мужчина кивнул и спросил:

– Ваша племянница Мария часто навещает брата?

– О да! – чуть ли не с гордостью выдохнула Мелихова. – Маша очень привязана к брату!

– Вы имеете в виду Ефима?

– Конечно. Кого же еще?

– Захара.

– Захар-то Маше такой же брат, как мне племянник. У них и отцы и матери разные.

– Родственные связи не всегда определяются наличием родственной крови, – заметил капитан.

– Не всегда, – согласилась Мелихова.

– Поэтому, если Захар рос на глазах вашей племянницы, не было бы ничего удивительного в том, что она считает его братом.

– Может быть, Маша, и считает его братом, – пошла на попятную Мелихова, – но ведь Захар и ее сторонился.

– И почему же это?

– Кто ж его знает, – поджала губы женщина.

На ее лице капитан успел заметить порицание Захара за неблагодарность. «Выходит, ей было обидно, что она заботилась о Захаре в детстве, а он не оценил, оказался, так сказать, неблагодарным. Вообще-то давно известно, что нет в мире большей глупости, чем ждать благодарности от тех, кого когда-то облагодетельствовал. Для сохранения собственных нервов,

делая доброе дело, не нужно рассчитывать на вознаграждение. Но не говорить же об этом пожилой женщине», – подумал капитан.

– Ольга Геннадьевна, вы можете идти, – сказал он, – и позовите, пожалуйста, ко мне вашу племянницу Марию Павловну Климову.

Мелихова молча кивнула, тяжело поднялась со стула, на котором сидела, и направилась к двери. Наблюдая за ней, Турусов подумал, что жизнь не пощадила Ольгу Геннадьевну. И не будь у нее болезненной внучки Сонечки, она, может быть, собрала бы свои вещи и без сожаления покинула дом Ефима Яковлевича Масальского, в котором была правой рукой его домоправительницы, то есть абсолютно чужой ей женщины.

И капитан невольно посочувствовал ей. Сам он ни за что на свете не согласился бы на старости лет оказаться в роли приживала. Он не понимал, почему племянница Мария не может взять тетку к себе.

Турусов пока много чего не понимал...

Прошло не более пяти минут, прежде чем дверь снова приоткрылась и по ней пару раз стукнули костяшками пальцев.

– Я могу войти? – раздался уверенный женский голос.

– Да, входите, – капитан с интересом посмотрел на вошедшую женщину. Была она высокой, не толстой, но крепко сбитой, по-видимому, с широкой костью. «Лоб низковат, – отметил про себя капитан, – брови широковаты. Темные, почти черные волосы, коротко острижены, губы как губы, подбородок тяжеловат, видно, дама обладает недюжинной волей. Не красавица и не уродина», – подвел он итог своему изучению внешности вошедшей.

– Вы Мария Павловна Климова? – спросил Турусов на всякий случай.

– А вы кого ждали? – ответила она вопросом на вопрос.

«Судя по всему, вас и ждал», – вздохнул про себя капитан и представился:

– Турусов Виталий Сергеевич.

– Я знаю.

– Откуда?

– Диана Артемьевна уже всех проинформировала, наверное, из опасения, что мы неправильно будем к вам обращаться, – скривила губы в усмешке женщина.

Выдержка Турусову не изменила, и он кивнул:

– Садитесь.

Женщина села и уставилась на капитана своими широко расставленными глазами цвета молочного шоколада. Цвет был неожиданным, и так уж получилось, что капитан молочный шоколад не любил. Но это никак не могло отразиться на его профессиональном подходе к делу. Поэтому он спросил вполне доброжелательно:

– Вы старшая сводная сестра братьев Масальских. Дочь от первого брака матери?

– Сестра я только Ефиму. Его отец женился на моей овдовевшей матери, и он у них родился ровно через год.

– А Захар? – спросил капитан. Несмотря на то что он уже был знаком с цепочкой родственных связей Масальских, ему хотелось услышать это от Марии Павловны.

– Захар брат только Ефима. Когда наша с ним мать умерла, Яков Петрович женился на другой женщине, некой Гелене Владимировне Утконос.

– Утконос? – переспросил Турусов.

– Да, представьте себе, у нее такая фамилия была. Естественно, выйдя замуж за моего отчима, она стала Масальской. Через год родила ему Захара, а потом сбежала.

– То есть как сбежала?

– Обычно, – усмехнулась Климова, – как сбегают от нелюбимых мужей.

– Зачем же она выходила за него замуж?

– Товарищ капитан, вы задаете странные вопросы. Мадам не сообщала мне, зачем она вышла за Якова Петровича замуж. Может, ей жить было негде или нечего есть.

Капитану верилось в это с трудом, но спорить с Климовой, критически настроенной к своей мачехе, он не собирался.

– Ваш отец, простите, отчим остался с тремя детьми на руках?

– Вроде того, – ответила Мария Павловна, – но я уже не была ребенком и могла присматривать за братьями. Хотя готовить на всю семью и обстирывать всех было тяжело, никаких стиральных машин у нас в доме в ту пору не было. Я ведь еще училась в школе. Мне нужно было к тому же готовиться к экзаменам.

– И поэтому вы позвали на помощь свою тетю.

– Отчим позвал. Я только намекнула ему, что тетя могла бы пожить у нас.

– Потом вы все выросли и покинули отчий дом? – предположил Турусов.

– Да, примерно так и было. Только тетя до конца оставалась с моим отчимом. Ефим постоянно помогал им деньгами. Потом, когда он разбогател, и вовсе захотел взять отца к себе. Но старик отказался, не захотел уходить из своей квартиры.

– Ваша тетя переселилась к Ефиму Яковлевичу уже после смерти вашего отчима?

– Да. Но сначала она потеряла дочь и зятя, осталась с внучкой на руках. Тогда и приняла предложение Ефима.

– А почему вы не взяли тетю к себе?

– Куда? Я сама живу в малогабаритной двушке и в средствах ограничена.

– У вас есть дети?

– Была дочь, потом мне пришлось в одиночку растить внучку. Теперь она замужем, – ответила Климова и поджала губы точь-в-точь, как это делала ее тетя, – только зятю теща не нужна. Да я и сама не хочу жить с ними.

Капитан сообразил, что зятем Климова называет мужа внучки и спросил:

– Почему?

– Потому, что предпочитаю сама себе быть хозяйкой, – огрызнулась женщина.

«В отличие от тетки», – подумал про себя капитан и поинтересовался:

– Какие у вас отношения с Ефимом?

– Прекрасные!

– А у вашей внучки с дядей?

– Ефим любит мою Ираиду, как родную дочь. Ведь своих детей у них с Люсьеной не было, царство ей небесное, – Климова истово перекрестилась.

– Вероятно, именно ваша внучка и станет теперь наследницей Ефима Яковлевича?

– Почему теперь? – удивилась женщина.

– Потому, что брата Захара Яковлевича уже нет в живых.

– Ефим и так не стал бы оставлять свои деньги и имущество Захару.

– Почему?

– Потому, что Захар ненадежным был человеком.

– В смысле?

– В том смысле, что он в одночасье спустил бы все, что Ефим десятилетиями наживал.

– Вы не ладили с Захаром? – быстро задал капитан следующий вопрос.

– Почему сразу не ладили? – сердито отреагировала Климова.

– Судя по вашему отзыву о Захаре Яковлевиче, вы не слишком-то жаловали его.

– Я относилась к нему спокойно, – ответила женщина. – Нам с ним нечего было делить.

– Ой ли, – не поверил капитан.

– Вы можете спросить у кого угодно, и вам ответят, что Захар не мог составить конкуренцию мне или моей внучке в получении наследства. Вам это и сам Ефим может подтвердить.

– Он не знает о смерти брата.

– Да, я знаю, Дианка подсуежилась. Уже и врач Ефима приехал.

– А у вас имеются возражения?

– Ну что вы! Конечно, нет! Все мы хотим, чтобы Ефим прожил как можно дольше. Но ведь смерть Захара долго скрывать не получится.

Капитан пожал плечами. Этот вопрос должны были решать родственники, и он не собирался ворошить муравейник еще и по поводу извещения одного брата о смерти другого. Пусть сами разбираются. Климову, судя по всему, такое отношение правоохранительных органов устраивало.

Турусов же вспомнил о своем начальнике полковнике Кочубееве и подумал: «Неизвестно еще, что Николай Егорович скажет». Говорить об этом Климовой он раньше времени не собирался.

Внимательно посмотрев на женщину, капитан спросил:

– Вы заходили в комнату к Захару Яковлевичу?

– Заходила, – кивнула Мария Павловна.

– Вместе с теткой?

– Почему с теткой? – удивилась женщина. – Одна.

– Зачем?

– Как то есть зачем? Мы с Захаром какие-никакие, а все-таки родственники. Не виделись мы с ним давно. И неизвестно, когда еще увидимся. – Тут она спохватилась: – Видите, как оно вышло. Получается, что для меня наш разговор с Захаром оказался последним.

– Получается, – согласился капитан. – Когда вы к нему заходили?

– Вечером, часа за три до Нового года. Он еще и обедать не спускался.

– Как долго вы у него пробыли?

– Время я не засекала, может, полчаса, может, минут двадцать.

– О чем вы с ним говорили?

– Можно сказать, ни о чем, – погрузилась Климова, – я рассказывала ему, как живу. О внучке своей Ираидочке. О зяте. – При произнесении последних двух слов на лице женщины появилось выражение, которое Турусов перевел на словесный ряд как «будь он неладен». «Чем-то не угодил ей внучкин муж», – подумал капитан и спросил:

– Захар Яковлевич что-нибудь рассказывал вам о себе?

Климова задумалась на несколько секунд, потом покачала головой:

– Нет, Захар ничего о себе не рассказывал.

– Он что же, сидел и молчал? – усомнился капитан.

– Можно сказать, и так. Просто слушал меня и кивал головой. Хотя один вопрос он мне все-таки задал.

– Какой?

– Долго ли протянет Ефим, – горько усмехнулась женщина.

– И что вы ему ответили?

– Ответила, что надеемся на то, что брат протянет год, а там, может, врачи еще что-то придумают.

– Как на это отреагировал Захар Яковлевич?

– Да никак, – в сердцах воскликнула Мария Павловна, – опять только кивнул и ушел в себя. Я больше не стала оставаться в его комнате, поднялась с кресла, сказала: «Ладно, Захарушка, пока», – и ушла. А он мне вслед ни гугу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.